

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кира Синклэр
ИСКУШЕНИЕ
НА ГРАНИ РИСКА

400

Содлазн

H HARLEQUIN®

Соблазн – Harlequin

Кира Синклэр

Искушение на грани риска

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Синклэр К.

Искушение на грани риска / К. Синклэр — «Центрполиграф»,
2020 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09829-0

Финн де Люка стоит во главе крупной семейной корпорации и мог бы приобрести все, что угодно. Однако ничто так не возбуждает его, как риск. Отстранившись от дел, Финн увлекается... кражами, и чем сложнее задача, тем сильнее затягивает процесс ее решения. Это странное хобби является отголоском давней трагедии, и Финн не осознает, насколько оно опасно, до тех пор, пока в его жизни не появляется Женевьева Райли. Судьбу ее сложно назвать легкой, но непостижимым образом она ухитрилась сохранить в душе свет. И Финна тянет к ней сильнее, чем к чему бы то ни было...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-09829-0

© Синклэр К., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кира Синклэр

Искушение на грани риска

Глава 1

Женевьева Райли не могла поверить услышанному и лишь смотрела на своего адвоката, ожидая, что он вот-вот рассмеется или скажет, что все это первоапрельский розыгрыш. Три года она успешно избегала встречи с Финном де Люка – и вот, по-видимому, играм настал конец.

– По крайней мере, судья согласился с нашими доводами о том, что ему нельзя доверять Ноа на ночь.

– Как это вообще произошло? Вы обещали мне, что ему не разрешат визиты. Ему предъявили обвинение в преступлении, черт побери!

– Нет. – Ланс, нагнувшись вперед, положил руку на плечо Женевьевы, пытаясь ее утешить. – Я говорил, что вероятность невысока – но все же она была. У мистера де Люка есть кое-какое влияние – да и друзья в нужных местах. В его пользу выступил Стоун Андерсон.

– Еще один преступник.

– Владеющий миллиардами долларов и превозносимый в прессе как герой, что спас свою возлюбленную от негодяя, намеревавшегося ее изнасиловать.

– Ну так это не относится к Финну, он-то далеко не герой, а скорее посланник дьявола.

Женевьева потеряла переносицу. Если бы не Ноа, она бы проклинала тот день, когда они с Финном познакомились. Но тогда это означало бы, что она сожалеет о рождении сына – а это было не так. Ноа был подарком судьбы. С его появлением Женевьева смогла уйти от жизни, которая медленно губила ее. Да, им с сыном пришлось бороться за все, что у них было... но это стоило того. Теперь она может растить ребенка в счастливой и здоровой атмосфере.

Ланс лишь пожал плечами на ее последнее замечание.

– Какая разница, кем бы Финн ни был, он отец Ноа, и, давайте начистоту, у него достаточно денег для того, чтобы продолжать судебную тяжбу.

Он попал в самую точку – Женевьева отчаянно надеялась на продолжение судебного разбирательства, но в то же время переживала. Пока они с Финном судились, ей не было необходимости встречаться с ним, но у нее не было средств, чтобы оплачивать бесконечные счета. И все же она бы справилась – как-нибудь. Теперь же... она может подать апелляцию, но пока ее рассмотрят, Финн воспользуется своим правом увидеть сына – а значит, ей придется встретиться с ним. Именно этого она и боялась... и хотела. Воспоминания о нем до сих пор вызывали жаркий отклик в ее теле, но Женевьева решила, что не позволит им одержать верх. Не позволит себе признаться в том, что хочет увидеть Финна. Последняя их встреча произошла при более чем неприятных обстоятельствах. Двор поместья озарили красно-синие вспышки мигалки на полицейской машине, и Финна увезли в сопровождении конвоя. Женевьева была до того потрясена, что отказалась присутствовать на суде, к счастью, ее показания были не нужны, ведь Финна поймали с поличным на месте преступления – с бриллиантом стоимостью пятнадцать миллионов долларов в кармане. «Звезда Райли» – так назывался камень – едва не была потеряна навсегда, и виной тому был этот харизматичный дьявол, умеющий заговаривать зубы. Потеря сделала бы ее банкротом – именно такую судьбу всегда пророчил Женевьеве дед в минуты ярости. После смерти родителей он был ее единственным родственником – и деспотичным чудовищем. Женевьева всю жизнь лишь старалась угодить ему.

Кто бы мог подумать, что после ареста Финна она сама примет решение уйти? Судьба порой выкидывает невообразимые штуки, и слаонервным лучше не вступать с ней в схватку.

Теперь же при мысли о предстоящей встрече с Финном сердце Женестьева начинало биться где-то у горла. Он, обаятельный, привлекательный, решительный и опасный, был воплощением соблазна – и невозможно было ненавидеть его, несмотря ни на что.

– Адвокат мистера де Люка попросил вас сообщить о желаемом месте встречи. Он выразил желание своего клиента не причинять вам неудобств.

Галантно, подумала девушка, и совершенно не в духе Финна. Он всегда был эгоистом, не лишенным щедрости, но лишь оттого, что умение очаровывать людей было у него в крови, а вовсе не из-за заботы об окружающих. Даже сейчас Женестьева готова была утверждать, что великодушие Финна вовсе не продиктовано его стремлением создать для нее комфортные условия. Ему что-то было от нее нужно, и на сей раз это был не доступ к фамильному помещению Райли. Должно быть, Финн знал о ее изменившихся семейных обстоятельствах – доказательством тому были крошечные обрывки чека, что он послал ей, лежащие на комод. Определенно, Финн уже был в курсе того, что дед больше не поддерживает ее, и попытался купить таким образом доступ к ее жизни и жизни Ноа. Подумать только! Ей не нужны его деньги, а даже если бы это было не так, она бы не взяла их. Возможно, сына не удастся отправить в лучшую школу, но обеспечить его она в состоянии.

– Женестьева, – произнес адвокат.

Черт, это и в самом деле происходит наяву, а она-то надеялась последние два месяца, что день этот не наступит никогда.

– Скажите, пусть приходит ко мне в субботу утром, в десять часов. Там мы разберемся. Но предупредите, что он не заберет у меня сына даже на прогулку. Мне нужно сначала удостовериться в том, что он способен позаботиться о нем и не подвергнуть опасности.

– Уверен, мистер де Люка согласится с любыми вашими пожеланиями.

Неправда, подумала Женестьева, будь это так, Финн бы исчез из ее жизни навсегда.

Финн рассеянно смотрел на документ, лежащий перед ним на столе рядом с глянцевой фотографией сына, – мальчик был запечатлен на качелях в парке.

Как он похож на брата, подумалось Финну, в этом возрасте тот выглядел именно так. А потом случилось то, что случилось...

Прозрачные голубые глаза Ноа светились радостью, ветер раздувал его светло-каштановые волосы, пухлые щечки раздурманились – он счастливо смеялся. Финн не впервые видел эту фотографию и не впервые ловил себя на том, что, глядя на нее, забывал обо всем, отдаваясь во власть тяжелых размышлений и сложных чувств, в которых пока не готов был разбираться. Раньше его не заботило ничто, кроме собственных потребностей. Однако все изменилось в момент, когда он увидел первую фотографию новорожденного сына. К слову, похожие эмоции он испытал при знакомстве с его матерью. Женестьева очаровала его, привела в полное смятение – ничего подобного он ранее не испытывал.

Невольно взгляд его переместился с мальчика на стоящую рядом девушку – руки ее были протянуты к сыну, чтобы снова толкнуть качели, огненно-рыжие волосы были собраны в пучок, и лишь несколько пылающих прядок обрамляли лицо. Финн знал, что Женестьева редко выпускала волосы – обычно они были аккуратно собраны в узел или хвост. Да и те редкие исключения происходили по его просьбе. Он помнил, какими шелковистыми были густые пряди на ощупь, как они рассыпались по его подушке... и какими были ее зеленые глаза в момент блаженства. Финн обругал себя за слабость – если он хочет добиться своего, подобные мысли не приведут его ни к чему хорошему. Напротив, Женестьева закроется от него, а лишь в ее власти позволить ему видеться с сыном.

Он спрятал фотографию под документы.

– Спасибо, старина. Что с меня причитается?

Стоун Андерсон непонимающе посмотрел на него:

– Ничего. Ты знаешь, что я сделаю все, чтобы помочь тебе. Я просто рад, что ты наконец увидишь сына, – прошло уже полгода с момента вашей последней встречи.

Он был прав: вероятно, столь долгий срок мог бы кому-то показаться суровым, но Финн всегда превыше всего ценил терпение и тщательную подготовку – именно они лежали в основе всех его афер и неизменно приносили успех.

Задумчиво приложив палец к губам, Финн с укором посмотрел на друга.

– Знаешь, смысл бизнеса – прибыль.

– Я в курсе, – протянул Стоун.

– А мне кажется, нет, потому что я что-то не слышал про других твоих клиентов. Когда предоставляешь кому-то услугу, обычно требуешь денег за нее.

– Ах вот оно что? Напомни, кто из нас магистр бизнес-администрирования.

Финн ухмыльнулся.

– У меня нет бумажки с затейливыми буквами, за которую нужно выложить кучу денег, но это вовсе не означает, что я не знаю, о чем говорю. Напротив, ее наличие не делает тебя экспертом.

– Не слышу жалоб на полученную информацию.

Финн не собирался жаловаться, он был благодарен за все, что для него делали Стоун и Грэй – их третий партнер. Кто бы мог подумать, что они вместе построят свой бизнес? Когда-то Финн весьма скептически отнесся к заявлению друзей о намерении открыть компанию «Стоун Наблюдение», однако, обдумав все, согласился. Они искренне хотели помогать людям, исправлять ошибки – может быть, это оттого, что оба в свое время пострадали от предательства. Финн же никогда не был движим желанием помогать, считая, что люди получают по заслугам. Глупцы заслуживают того, чтобы их обманули – только так они могут чему-то научиться. В его понимании, всякий раз, совершая кражу чего-то ценного и прекрасного, он предоставлял услугу жертве, указывая на недостатки в системе охраны. Наградой ему за эту услугу был трофей. И еще его заводила сложность задачи – любое заявление о неуязвимости охраны лишь подстегивало желание доказать обратное.

– Знаешь, Финн, мы не возьмем с тебя денег. Кроме того, если бы ты согласился войти в совет директоров по нашей просьбе, ты бы стал полноценным партнером.

– Нет, спасибо. У меня есть работа.

Стоун ухмыльнулся.

– Это не работа. Когда в последний раз ты вообще показывался в своей компании?

– Хм. – Финн всерьез призадумался. – Вероятно, около семи лет назад, плюс-минус полгода. – На губах его заиграла усмешка. – Я им, очевидно, не нужен. Ты же знаешь, я просматриваю квартальные финансовые и управленческие отчеты. Видишь ли, ключ к успешному управлению бизнесом – нанимать компетентных людей, чтобы они делали для тебя всю необходимую работу.

Стоун покачал головой – не в первый раз они вели этот спор. Он не мог понять точку зрения Финна, потому что в его семье все были активно вовлечены в каждодневную работу компании. Конечно, речь не шла о международной корпорации с оборотом в миллиарды долларов, но это почти ничего не меняло. Финн же, напротив, решил, что не желает иметь ничего общего с семейным делом, потому, унаследовав корпорацию, без зазрения совести передал ее другим людям, что могли управлять бизнесом. Успех и прибыль позволяли ему заниматься тем, чем он хотел.

– Кражи вряд ли можно назвать работой, – возразил Стоун.

Финн широко улыбнулся.

– Я ничего не украл с того момента, как очутился на свободе.

Его друг усмехнулся.

– Ну да, ну да. Потому, что твои мысли заняты сыном? Я знаю тебя, Финн де Люка. Ты же скоро заскучаешь без дела, и, когда это случится, умоляю, не совершай глупостей. Обещаю, мы найдем способ использовать твои способности, сумеем извлечь из них выгоду, не подвергая тебя опасности вновь оказаться за решеткой.

Финн отклонился назад на стуле, балансируя на его задних ножках и закинув руки за голову. Ему нравилось это ощущение неопределенности, ожидания, что волею случая его качнет в одну или другую сторону. Риск и опасность были его стихией, и чем выше существовала вероятность быть пойманным, тем более захватывающим становилось приключение.

– Стоун, я достаточно умен, чтобы не попасть за решетку. Я уже не раз говорил, что поймали меня, – Финн указал на фотографию, все еще лежащую под документами на столе, – из-за нее. И у меня нет ни малейшего намерения позволить этому повториться.

Стоун скептически хмыкнул.

– Я провернул больше двух десятков дел до встречи с ней. Говорю тебе, я намеренно сдался, – настойчиво повторил Финн.

– Ну да.

– Я сам вернулся назад и подверг себя опасности.

Это все Женестьева, подумал Финн, из-за нее мозг его перестал работать, и результатом стала глупая ошибка. Больше такого не повторится, сейчас главное – снова заслужить ее доверие, чтобы получить доступ к сыну, и точка.

Лицо Стоуна явно выражало недоверие, но он решил не комментировать слова друга и сменил тему:

– Женестьева, возможно, захочет разжечь скандал из-за украденной ценности, но ее финансы весьма ограничены. Все, что у нее есть, вложено в активы – драгоценные камни и металлы.

Финн знал это и сам – ведь он пристально изучал финансовое положение Женестьевы. Но ему было непонятно, к чему клонит Стоун.

– На что ты намекаешь?

– Она потратила слишком много денег на то, чтобы нанять отличного адвоката для тяжбы с тобой.

Что ж, он и это ожидал – и как бы ни было неприятно осознавать, что она и его сын нуждаются, Финн намеревался в ближайшее время исправить ситуацию.

– Я пытался дать ей денег, но она не обналичила чек, – ответил он. – Но не беспокойся, старина. У меня все под контролем.

У Финна был план, и он знал, что девушка на сей раз не сумеет ему отказать.

Стоун пристально посмотрел на друга.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Все должно было разрешиться в следующие несколько недель, и многое действительно зависело от удачи, но Финн привык ставить все на кон и рассчитывать на единственное хорошо спланированное мероприятие.

Женестьева нервно расхаживала взад-вперед по гостиной, скрестив руки на груди. Каблуки ее туфель постукивали по паркету, который она недавно отполировала сама. Время от времени она бросала взгляды в окно, но на улице перед ее маленьким домиком было по-прежнему тихо.

Из другой комнаты было слышно, как Мэдди читает сказку Ноа, и ее высокий голосок звенел радостным колокольчиком. Последние три года стали бы для Женестьевы адом, если бы не лучшая подруга. Она была рядом всегда, включая тот день, когда Ноа появился на свет, и тогда, когда Финн впервые возник в жизни Женестьевы, сразу же вскружив ей голову, а было это на благотворительном вечере, организованном ее дедом. Конечно, он был обаятелен и красив

– все девушки тогда не сводили с него глаз, – но для Женеьевы это была роковая встреча. Она сразу почувствовала за яркой внешностью Финна что-то темное, опасное и, словно мотылек, полетела на пламя. Для нее, воспитанной в строгости, этот соблазн был запретным плодом, манящим и притягательным. И притяжение только усилилось, когда Финн, не спрашивая разрешения, вытащил ее на танцпол и прижал к себе – она до сих пор помнила ощущение его теплой ладони на обнаженной спине. Желание вспыхнуло в ней диким пламенем – и у Женеьевы были все основания полагать, что оно по-прежнему жило в ней, несмотря на все произошедшее.

Бросив взгляд на часы, она вздрогнула: уже без пяти десять.

Почему Финн вдруг изъявил такое горячее желание увидеть Ноа? Он ненавидел ответственность – так, что даже семейный бизнес отдал посторонним управляющим. Вряд ли в нем проснулось желание отцовства. И, что самое главное, как отреагирует Ноа? Ей очень не хотелось, чтобы сын искренне привязался к Финну, ведь тот мог в любой момент исчезнуть – или обидеть его.

За окном хлопнула дверца машины, и Женеьева вновь взглянула на часы. Было ровно десять. Еще через мгновение раздался звонок в дверь, и она пошла открывать, тщетно пытаясь справиться с волнением.

Черт бы его побрал, подумала девушка, распахнув дверь и глядя на Финна. Он ни капли не изменился. Широко расставленные ноги в черных байкерских ботинках, могучие плечи с выпуклыми мускулами, почти целиком закрывающие проем... Интересно, мелькнула мысль у Женеьевы, он все еще гоняет по городу на черном блестящем «Мазерати», дразня полицейских? Финн де Люка был полной противоположностью ей – обожал риск и опасность и, точно ураган, привлекал своей мощью, завораживающей красотой, но это была смертельная сила.

Волосы его были темные, почти черные, и непокорные. На подбородке и щеках темнела тень щетины, точно ему было недосуг бриться, но самыми притягательными были глаза. Темные, они казались угольками, но Женеьева знала, что настоящий их цвет – неразбавленного кофе. И смотрел он на нее так, точно единственный из всех видел ее целиком, даже те части, что она научилась тщательно скрывать от других.

Именно таким ей представлялся дьявол-искуситель. Рядом с ним она чувствовала себя сильной, умной и красивой – даже смелой. Благодаря ему Женеьева впервые начала ощущать себя так, точно у нее нет секретов ни от кого и что ей нет необходимости что-то скрывать. Что ж, она открылась ему, а он использовал это знание против нее. Заставил ее влюбиться в него, довериться ему – и украл «Звезду Райли», не мучаясь угрызениями совести.

– Соседи начнут сплетничать, если ты так и будешь держать меня на пороге, Дженни, – произнес Финн.

– Не называй меня так, – вспыхнула Женеьева, тем не менее отступая назад.

Финн вошел следом и остановился перед ней. На долю секунды девушке показалось, что он сейчас прикоснется к ней, но Финн лишь склонил голову и улыбнулся своей озорной улыбкой, от нее у Женеьевы всегда что-то ёкало в груди и оставалось лишь одно желание – остаться перед ним обнаженной и дрожащей от возбуждения.

Рассердившись на себя, она отошла и остановилась посреди гостиной, скрестив руки на груди.

– Не знаю, на что ты надеешься, Финн, но у тебя ничего не выйдет.

– Всего лишь познакомиться с сыном. А ты хорошо выглядишь, Дженни.

Женеьева покачала головой:

– Мы оба знаем, что ты работаешь иначе, так что прекрати притворяться. Я еще не разгадала твоих намерений, но сделаю это. И если ты не в курсе – хотя это вряд ли, – у меня больше нет доступа к имуществу Райли, включая драгоценности, бизнес и предметы искусства.

– Я знаю. Иначе зачем, ты думаешь, я прислал тебе чек?

– Кстати, могу отдать тебе кусочки. И учти, лесть не поможет. Мы оба знаем, что все твои красивые слова – пустышки. Не трать время попусту.

На миг лицо Финна застыло, на губах появилась какая-то неестественная упрямая ухмылка, которую Женевьева не видела раньше.

– Я всегда говорю то, что думаю, и все, что когда-либо говорил тебе, было абсолютно искренне. Может, я и натворил прилично всякого, но во лжи меня нельзя обвинить.

Женевьева засмеялась, но смех прозвучал как-то натянуто.

– Особенно когда ты сказал мне, что я могу тебе доверять и ты никогда не причинишь мне вреда.

Финн сделал шаг по направлению к ней – девушка предостерегающе подняла руки.

– Мне жаль, прости меня, Женевьева.

На миг ей почудилось, что в словах его звучат искренние нотки, и коварный голосок в глубине сознания принялся нашептывать: может, он и впрямь сожалеет?

– Это уже не имеет значения. Не могу сказать, что я тебя ненавижу, – хотя ты это и заслужил. Ты подарил мне Ноа и показал, что я могу жить другой жизнью, – хотя я бы предпочла другой способ узнать это. Ты дал мне уверенность в том, что я могу постоять за себя и сына. Сейчас я гораздо счастливее, чем была когда-то. Но это не означает, что я готова тебя простить и забыть то, как ты меня использовал.

Подойдя к Финну почти вплотную, Женевьева посмотрела ему прямо в глаза.

– Я клянусь, что не позволю тебе манипулировать сыном и обижать его. Так что надеюсь, что ты говоришь правду, – это для твоего же блага. Я уже не та наивная девочка, какой была три года назад.

Глава 2

О, тут она была права. Когда-то Финн постоянно боролся с желанием защитить Женевьеву, оградить ее от деда – даже сделать ему больно за то, как он обращался с ней. Долгие годы унижений сделали свое дело – девушка была робкой и забитой. Но даже тогда в ней чувствовалась скрытая энергия, огонек жизни, который можно было раздуть в красивое пламя – и ему это удалось.

И вот он смотрел в ее глаза, в которых полыхала ярость, и в нем закипало восхищение. Хотелось схватить ее, прижать к себе и целовать, с головой окунаясь в эту страсть. Но так было легко заработать пощечину, а еще лишиться возможности видеться с сыном. Правда, Финн в равной степени боялся этой встречи – он представления не имел, как вести себя с малышом. Насколько он помнил своих родителей, оба были посредственным примером для подражания. Слишком занятые собственными делами, они часто, казалось, и не вспоминали о том, что у них есть дети. Их присутствие в его жизни напоминало визит Санта-Клауса или пасхального кролика – раз-два в год они являлись, принося с собой волнение и множество подарков, в которых он, по сути, не нуждался. Обделяя детей вниманием, они делали все, чтобы обеспечить тех всем мыслимым и немыслимым. Правда, от этого им вовсе не было легче жить. Финн не хотел становиться таким отцом. Может, сейчас он и не представлял, как обращаться с ребенком, но собирался этому научиться.

Пристальный взгляд Женевьевы спустил его с небес на землю – пора было сказать хоть что-то.

– Я не жду, что ты простишь меня, Женевьева, – начал он. – Но мне жаль, что случилось так, как случилось. Ты, наверное, не поверишь мне...

– Конечно нет, ведь ты сделал все, чтобы подорвать доверие к тебе.

Финн кивнул, признавая ее правоту.

– Но я не собирался красть «Звезду Райли» той ночью.

– Тебя поймали с камнем в руках, а на его месте лежала подделка.

– Дженни, к тому моменту камень был у меня уже три дня. Я вернулся, чтобы его положить на место. Вначале я, конечно, хотел забрать его и исчезнуть, но не смог. Впервые в жизни что-то, точнее, кто-то был для меня важнее успеха предприятия.

Женевьева бросила на него взгляд, в котором читалась буря эмоций, Финн обожал ее за эту открытость. Никогда прежде он не встречал такого человека, и, учитывая жизнь, которую девушка вела до встречи с ним, эта ее особенность была поистине удивительной. Любой стал бы на ее месте жестким, потерял интерес к жизни, но Женевьева была точно поток свежего воздуха для любого, кто встречал ее. И для него – потому что он как раз ожесточился от той жизни, что была у него.

– Что? – осторожно переспросила Женевьева.

– Я приехал, чтобы положить камень на место, – повторил Финн.

Он снова вспомнил ту ночь. Украсть «Звезду Райли» было несложно, сложно было справиться со своей совестью – и еще труднее уйти от Женевьевы. Однако, решив вернуть драгоценность, Финн не спланировал эту акцию: кто бы мог подумать, что это окажется опаснее кражи?

Девушка нахмурилась.

– Что это меняет, Финн? Ты все равно украл его.

– Да, но не смог оставить себе. Ты была для меня важнее.

– Если бы это было так, ты бы его не взял.

– Если бы ты знала меня получше, ты бы поняла, как это утверждение далеко от истины. Женевьева сжала губы.

– Ты прав. Я совершенно тебя не знаю. Но чья это вина? Не одну неделю я летала в облаках от счастья, думая, что познакомилась с прекрасным мужчиной, и жестоко разочаровалась, потому что все это оказалось фарсом.

– Не все.

– Как я могу тебе верить после того, что произошло? Да и, знаешь, мне не хочется задумываться о том, что из сказанного тобой ложь, а что правда. Что было, то прошло. Я позволяю тебе увидаться с сыном только потому, что суд утверждает, что у меня нет другого выбора. Но я больше чем уверена, что для тебя это не более чем новая игрушка. Через пару месяцев твое внимание займет что-то другое, и ты исчезнешь.

Финн подошел к ней вплотную – та Женестьева, что он знал раньше, непременно бы испугалась, но эта новая женщина, которой она стала, лишь вскинула голову и упрямо посмотрела на него. В груди его поднялась волна гордости за нее – и еще захотелось рассмеяться. Наклонившись, он прошептал, почти касаясь губами ее губ:

– Не рассчитывай на это, Дженни, я никуда не денусь.

По телу ее пробежала дрожь, это было заметно, но вот Женестьева фыркнула и отступила.

– Если мы закончили обсуждать прошлое, – склонив голову, произнес Финн, – могу я увидеть Ноа?

Ее презрительный взгляд был ему ответом, но Финн лишь спокойно ждал, зная, что он ничего не сможет поделать. Ему даже нравилось наблюдать за разгневанной девушкой – глаза ее засверкали, на щеках появился румянец. Наконец она сказала:

– Ноа на заднем дворе. Сейчас я его приведу.

Она повернулась, не проронив больше ни слова, даже не предложив Финну присесть. Однако приличия беспокоили его сейчас меньше всего.

– Не надо, я пойду с тобой, – сказал он, делая шаг вслед за Женестьевой.

Она на миг остановилась, но не повернулась и продолжила идти. Взгляд Финна невольно скользнул по ее круглой попке, обтянутой джинсами. Ах, если бы можно было протянуть руку и шлепнуть ее... но он не был полным идиотом.

Они прошли пару комнат – одна из них определенно была рабочим кабинетом. Это Финн понял по сверкающим кусочкам камней, минералов и изогнутым металлическим полоскам. Другая была, похоже, гостевой комнатой, а за ней шла, возможно, хозяйская спальня. Женестьева остановилась у двери, закрывая обзор, но Финн смотрел лишь на ее лицо – потому что в мгновение ока оно изменилось. На нем читались неподдельная любовь и восторг – если бы хоть раз его мать посмотрела на него так... на него никогда и никто так не смотрел. Кроме Женестьевы... когда-то.

Женестьева чувствовала себя в смятении, понимая, что не готова к общению с Финном и к знакомству его с сыном. До сих пор в ней пробуждались какие-то чувства к нему – что было странно, учитывая все, что он сделал. Его предательство отозвалось в ней особенно сильно – ведь она, изголодавшись по теплу, человеческому общению, пониманию, так легко поверила в его любовь, о том, что она красива, талантлива и умна. Дед беспрестанно повторял, что ей нельзя доверять ничего мало-мальски важного, и она до того привыкла к мысли о собственной никчемности, что хватило бы и пары ласковых слов, чтобы растопить лед. Но Финн дал ей куда больше – он помог почувствовать ту жизнь, о которой она все время мечтала. Было глупо с ее стороны поддаться на уловку. Но, с другой стороны, откуда ей было знать? До появления Финна она и понятия не имела о том, как складывается жизнь у других и чего не хватает ей, не знала, что заслуживает большего, чем постоянное эмоциональное насилие, которому ее подвергали. Теперь она куда умнее и сильнее... однако это лишь больше озадачивает, потому что непонятно, почему она до сих пор так реагирует на Финна. В тот момент, когда он вошел, сердце ее подпрыгнуло, дыхание перехватило, ладони вспотели, а трусики предательски намокли.

Понятно, что его внешность и манера держаться сыграли в этом не последнюю роль, но кто, как не она, знал, что за его улыбкой нет искренней теплоты, а каждое слово можно ставить под сомнение. Очевидно, разум покинул ее вместе с памятью. Что ж, по крайней мере, стоит напоминать себе о том, что сейчас визит Финна не был связан с ней – он здесь лишь для того, чтобы повидать сына.

Сделав глубокий вдох, Женестьева прошептала:

– Иди поздоровайся с ним.

Впуская Финна, она отошла от двери. Ей хотелось понаблюдать за Ноа и его реакцией на нового человека, но она не в силах была удержаться и перевела взгляд на его отца. И замерла, чувствуя, как грудь ее словно стянуло тугим ремнем при виде восхищения, что появилось во взгляде Финна. Она была уверена, что это искренняя радость – и что-то, напоминающее надежду.

– Он похож на моего брата, – произнес Финн.

– Он похож на тебя, – возразила Женестьева.

Финн покачал головой, и она удивилась: неужели он не видит поразительного сходства между собой и малышом? Когда Ноа был совсем крохой, это не было столь очевидно, но, подрастая, он все больше напоминал отца. Если бы не светлые волосы и голубые глаза, вздернутый носик и форма рта... даже озорная натура мальчика, его улыбка была такой же, как у Финна.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Ноа поднял голову – и, как всегда при виде матери, лицо его озарилось улыбкой. Женестьева взяла сына на руки.

– Спасибо, Мэдди, – обратилась она к подруге.

– Рада помочь. – По пути к выходу та окинула Финна злым взглядом, и через несколько мгновений входная дверь громко хлопнула. Они остались втроем.

На миг Женестьеве стало страшно, и она с трудом подавила в себе желание окликнуть Мэдди, чтобы она вернулась. Но ее отвлек Ноа. Похлопав ручками по ее щекам, он произнес:

– Мама.

Подойдя к Финну, она сказала:

– Ноа, это твой папа. Финн, познакомься с Ноа.

Мальчик с любопытством склонил голову набок – точно так же сделал десять минут назад Финн, – прищурился и затаил дыхание. Но пауза не затянулась надолго. Вытянув ручки, Ноа требовательно произнес:

– Подними.

К удивлению Женестьевы, Финн не колеблясь взял сына на руки. На мгновение лица их оказались на одном уровне, и они пристально посмотрели друг на друга. На лице Финна расплылась блаженная улыбка. Ноа же ткнул пальчиком в книжную полку и так же требовательно сказал:

– Книгу.

Финн снова повиновался. Сняв с полки книгу, он сел в кресло-качалку, усадил Ноа на колени, точно делал так всегда. Женестьева, понаблюдав за ними несколько секунд, тихо повернулась и ушла – смотреть на них было невыносимо, и она возненавидела себя за это.

Глава 3

– Мы продали три украшения из изумрудов, – сообщил Женевьеве по телефону Эрик, владелец бутика.

Сердце ее сжалось – хотя она понимала, что должна бы радоваться, ведь на деньги с этой продажи они с Ноа смогут прожить не один месяц. Но... Будь то любой другой набор, а не этот, радоваться было бы куда легче. С первого момента, взяв в руки изумрудную каплю, что стала основой подвески, Женевьева ощутила какую-то особую связь с камнем. Что ж, ей не впервой расставаться с красивыми камнями – да и стоит надеяться, это не станет последним разом. Она всегда тщательно изучала материал, прежде чем начать с ним работу, и камни всегда имели для нее особое значение. И все же... тот изумруд был особенным.

Однако она не могла позволить себе не продавать украшение только лишь оттого, что хотела сохранить его для себя. Этот изумруд стоил около пятидесяти тысяч. Одним из недостатков ее дела было то, что материалы стоили немалых денег, но всегда окупались. В последние несколько недель, однако, воцарилось затишье, так что продажа изумрудов случилась как нельзя кстати. Пожалуй, на этом и стоит сконцентрироваться – теперь можно подумать о планировании поездки с Ноа в Диснейленд в следующем году.

– Женевьева, вы меня слышите? – раздался голос Эрика.

– Да, простите. Это чудесная новость! Вы можете мне сообщить имя покупателя?

Она всегда старалась узнать что-нибудь о людях, что приобретали ее украшения, – это помогало ей представить восхищенные лица женщин, их удивление и, возможно, шок, когда они получали подарок от мужа. Всегда было приятно узнать, что за покупкой кроется какая-то история – например, когда изделие покупалось в честь рождения ребенка или пятидесятилетнего юбилея. В ней неизменно пробуждалось чувство гордости и счастья оттого, что ее творения могут порадовать людей. Это было необходимым этапом завершения процесса работы над украшением.

– Я не знаю подробностей. Дениз не удалось выяснить многого. Она сказала, что это был джентльмен, который, казалось, не был уверен в том, что хочет. Однако, как только она показала набор, он решил его купить.

Что ж, подумала Дениз, может, этот джентльмен тоже ощутил с камнями особую связь. Эта мысль немного успокаивала.

– Не могли бы вы прислать мне его имя и адрес?

Женевьева любила посылать своим покупателям личную благодарность – многие впоследствии делали повторное приобретение. Конечно, в основном оттого, что им нравился ее стиль, но еще они ценили индивидуальный подход. В этом заключался один из недостатков дальнейшего развития ее бизнеса – она не знала, как сохранить эту связь с покупателями.

Новая ее коллекция должна была произвести фурор, тому способствовало партнерство с «Митчелл бразерз», крупным ювелирным холдингом, раскинувшим свои бутики по юго-востоку, – об этом уже написали некоторые крупные газеты, чему Женевьева порадовалась. Такой пиар был для нее новым опытом. Через несколько недель ее украшения должны были появиться в пятидесяти местах двенадцати разных штатов на юге. Несомненно, это означало лучшие перспективы и уверенность в будущем, что необходимо Ноа. Что же касается стиля... значит, ей придется как-то найти выход из положения.

– Да, конечно, – ответил Эрик. – Я пришлю информацию по почте, и в течение недели вам придет депозит.

– Спасибо, Эрик.

Женевьева повесила трубку и направилась обратно в студию. Ноа был с Николь – временной няней, помогавшей ее, когда она работала. Николь еще училась в колледже, и это здо-

рово выручало, потому что часто Женевьева работала в нестандартное время. Сейчас у нее было по крайней мере два часа до возвращения домой.

Она окинула взглядом камни, лежащие на столе, – чудесные экземпляры александрита, полудрагоценного камня, известного своей способностью менять окраску в зависимости от освещения. В последние несколько дней она изучала эти камни самым подробным образом, стараясь понять, как лучше их представить в украшении. Самый большой был чуть больше карата – в трех других было примерно три четверти. Остальные различались по размеру, но в каждом было чуть менее половины карата. Было бы разумно вставить самый большой камень в подвеску, два маленьких использовать для сережек, а остальные – для браслета. Но инстинкты шли вразрез с логикой и нашептывали что-то свое – проблема была лишь в том, что Женевьева пока не поняла, чего именно ей хочется.

Она погладила камни пальцами, наслаждаясь гладкостью граней и тем, как они перекачиваются под ее ладонью. Взяв их в руку, она снова окинула все взглядом, надеясь, что вдохновение все же придет, но ничего не происходило. Она потратила на эти камни много денег, и нужно было закончить украшения к открытию ее коллекций. Расстроенная, Женевьева ссутулилась, опустив голову.

Тишину студии нарушил сигнал телефона – на почту пришло письмо. Схватив мобильный, Женевьева открыла послание от Эрика – и негодующий стон сорвался с ее губ при виде имени покупателя. Она убьет Финна.

Финн только что вышел из душа и даже не успел одеться, когда раздался звонок консьержа с сообщением о том, что какая-то посетительница ждет его внизу. Единственной женщиной, знавшей его адрес, была Пайпер, девушка Стоуна, и было сложно придумать хоть одну причину, по которой она могла бы явиться с визитом. Финн улыбнулся: значит, пришла Женевьева. Знакомое волнение овладело им, но интуиция подсказывала, что, какой бы ни была причина ее прихода в семь вечера, вряд ли его надеждам суждено сбыться.

Финн быстро натянул штаны, но решил обойтись без рубашки. Полотенцем промокнул мокрые волосы, открыл дверь и снова вошел в гостиную. Вне всяких сомнений, гостя его найдет.

И вправду, почти сразу же раздался стук каблучков – о, он обожал, когда она надевала туфли на каблучке, – хлопнула входная дверь и раздался сердитый возглас:

– Сколько раз мне нужно повторять: я не нуждаюсь в твоих деньгах?

Бросив полотенце на подлокотник дивана, Финн помедлил, прежде чем повернуться, а потом окинул взглядом Женевьеву, это вышло ненамеренно, скорее, он не смог удержаться от соблазна полюбоваться ею.

Гнев сделал ее очень хорошенькой: зеленые глаза сверкали, на щеках играл румянец, ладони были сжаты в кулаки. Уперев руки в бока, она стояла, слегка наклонившись вперед, точно готовая вот-вот кинуться в атаку.

– Ты была предельно ясна.

– Но тебя это не остановило, и ты все-таки выкинул очередную штуку.

– Штуку? – Финн решил прикинуться непонимающим, хотя и знал, что его это ни к чему не приведет. Однако многолетняя привычка отрицать вину до тех пор, пока не поймали с поличным, сделала свое дело. – О чем ты?

– Не притворяйся дурачком. Мы оба знаем, ты не так глуп и всегда угадываешь действия окружающих на пять шагов вперед.

– Наверное, спасибо, – произнес Финн, абсолютно уверенный в том, что это не комплимент.

– Верни украшения.

Он пожал плечами:

– Нет.

– Тебе они не нужны, а я отказываюсь брать твои деньги, которые ты предлагаешь мне исключительно из-за чувства вины. Мы с Ноа обойдемся без них.

До сего момента Финн был настроен исключительно игриво, но последние слова девушки разозлили его. В мгновение ока он подошел к ней вплотную – Женестьева инстинктивно отошла назад, но уперлась в кирпичную стену. Финн сделал еще шаг и положил ладони на стену по обе стороны ее головы, чувствуя, как его бедра легонько касаются ее. Ему показалось, что дыхание ее слегка сбилось.

– Давай проясним кое-что раз и навсегда, Женестьева. Чувство вины никоим образом не определяет мои поступки. Ты растишь моего сына, и я не вижу причин отказываться от денег – для тебя или для него.

– Я и сама прекрасно могу обеспечить моего сына, Финн.

– Я знаю, потому что видел твою налоговую отчетность за последние три года и имею детальный финансовый отчет по твоему бизнесу. Я точно знаю, сколько денег ты вкладываешь в материалы и оборудование, и знаю, что, готовясь к открытию новых коллекций, ты поистратилась, но, как только украшения поступят в бутики, все наладится, ведь ты отличный дизайнер, просто еще не все об этом знают. Женестьева сжала губы в негодовании, но Финн не дал ей заговорить.

– Но, как бы то ни было, у тебя не должно быть причин для беспокойства, потому что у меня достаточно денег, чтобы поддерживать какую-нибудь страну третьего мира.

– Ну так выпиши им чек на миллион долларов!

– Я уже это делал.

Женестьева склонила голову набок – очевидно, услышанное ее удивило. И это заставило его почувствовать неприятный укол: неужели она считает его таким монстром?

– Ты не хотела принимать мою помощь, вот я и нашел такой способ, который будет гарантировать, что ты не откажешь.

– Я не позволю тебе приобретать эти украшения.

– Женестьева, – протянул Финн, – ты же знаешь, что я уже их купил.

– Верни их.

– Нет, они мои.

– И что ты будешь с ними делать?

– Это тебя не касается.

Она стиснула зубы, и во взгляде ее появилось разочарование. И еще что-то.

– Я не возьму деньги у Эрика.

Финн чуть приподнялся на цыпочках, чтобы сделать разницу в росте между ними более ощутимой, – Женестьева попыталась отодвинуться, но ей некуда было деваться, и движение лишь заставило ее коснуться Финна. В нем моментально пробудилось желание – кровь запульсировала в висках. Однако он сдержал порыв и лишь приподнял лицо девушки за подбородок, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Не делай этого, – произнес он, стараясь говорить мягко, но в словах отчетливо слышался приказ.

– Или что? – гневно спросила она. Полуоткрытые губы ее были так близки, что Финн чувствовал ее горячее дыхание на своей коже, – ему хотелось прикоснуться к ним, и он не сумел устоять. Слишком много времени прошло с того момента, когда он в последний раз прикасался к Женестьева. Он провел кончиками пальцев по шелковистой коже ее щеки, но и этого было мало, и он с жаром притянул девушку к себе, желая поцеловать. Когда губы их встретились, жар и желание охватили его целиком, и он понял, что пустота, которую он носил в себе все время с момента разлуки, наконец заполнена, но на ее месте возникла боль – только Женестьева удавалось затронуть эти струны в нем. Позабыв обо всех благих намерениях и отбросив

осторожность, он отдался своим желаниям – сейчас ему хотелось лишь брать свое, не ища компромиссов.

Он приоткрыл губы, и Женестьева сделала то же самое, отчего он вздохнул с облегчением. Руки ее обхватили его плечи, не притягивая к себе, но и не отталкивая. Его язык проник глубже, принося ему чувство наслаждения, но мозг все же не желал отключаться, и холодный разум призывал его опомниться.

Отстранившись, Финн прикоснулся лбом ко лбу девушки и замер, прислушиваясь к ее прерывистым вздохам. Сделав крохотный шаг назад, он заглянул ей в глаза и произнес:

– Я не хочу ничего отнимать у тебя, Женестьева. Я хочу лишь дать, прошу, позволь мне.

Она отчаянно ругала себя за слабость и желание поверить Финну, а разум кричал свое, что доверять ему ни в коем случае нельзя, ведь она уже совершала эту ошибку, а он обвел ее вокруг пальца своими искусными речами и лживо искренними взглядами.

Но ведь он был прав: ей и впрямь нужны были деньги от продажи изумрудов. Она при-
смотрела несколько роскошных черных опалов, из которых можно было бы сделать изумитель-
ное ожерелье, но денег на покупку камней не было.

Был и еще один момент: Женестьева не хотела мириться с тем, что именно Финн будет
владельцем изумрудов – и даже думать не хотелось о том, что он может подарить их другой
женщине. Противно было представить, как он будет застегивать подвеску на ее стройной шее,
а на лице ее появится выражение неподдельного изумления и восторга...

Кроме того, комиссия от продажи была намного меньше той суммы, что Финн пытался
вручить ей в чеке пару месяцев назад. В нем угадывался основной мотив – чудовищное чувство
вины, и принять его означало бы подать сигнал о прощении. Сейчас же они, по сути, заключили
сделку, ни больше ни меньше.

– Ладно, – бросила Женестьева. – Забирай изумруды, я возьму деньги, но пообещай, что
больше не будешь ничего покупать.

Финн пожал плечами:

– Обещаю, что не стану ничего покупать только лишь затем, чтобы обеспечить тебя день-
гами. Как насчет такой договоренности?

Женестьева призадумалась. Она не могла представить другой причины для траты сотен
тысяч долларов ради покупки драгоценностей и потому согласилась.

– Отлично. И спасибо. Я давно хочу купить черные опалы, теперь смогу это сделать и
закончить два украшения для коллекции.

– Хм-м... – задумчиво протянул Финн. – Черные опалы?

Женестьева почувствовала, как его интерес пробуждает в ней знакомое волнение, и не
смогла промолчать.

– Они великолепны. Игра оттенков просто изумительна, и они идеально подойдут к оже-
релью, что я создала, но до сих пор не находила для него камней. В нем предполагаются синие
и фиолетовые оттенки на черном фоне. И эти опалы все из одного самородка. Они просто...

В этот момент она подняла глаза и осеклась, заметив, как смотрит на нее Финн. Волнения
как не бывало – Женестьева практически ощущала, как энтузиазм покидает ее.

– Прости. Тебе, наверное, неинтересно, – произнесла она.

– Нет, не извиняйся, – ответил Финн, делая шаг к ней. – Мне нравится видеть, как заго-
раются искорки в твоих глазах, когда ты говоришь о камнях. Твоя страсть к тому, что ты дела-
ешь, привлекает меня к тебе больше всего, Женестьева, так было всегда.

Она покачала головой, не зная, как себя вести, как отреагировать на его слова. Конечно,
ей не хватало человека, который бы разделил ее любовь к работе, и именно поэтому она скучала
по работе в семейном бизнесе. Там ее окружали люди, которым одержимость минералами и
камнями была понятна. И это когда-то сблизило ее с Финном – в те несколько недель он был

частью ее жизни, они часто беседовали о камнях. Теперь ей было понятно, что он всего лишь пытался вытянуть из нее информацию, чтобы завладеть самым ценным семейным сокровищем.

Она отошла от Финна и махнула рукой.

– Это не имеет значения. Надеюсь, той, что ты купил эти украшения, они понравились.

Они имеют для меня особое значение.

Финн склонил голову и прищурился.

– Надеюсь, их новая владелица оценит их по достоинству.

Женевьева внезапно ощутила резкий толчок в груди.

– Вне всяких сомнений. Что ж... мне пора. – Она сделала неопределенный жест, указывая на дверь, через которую ворвалась несколько минут назад, удивляясь тому, как быстро исчез подогревавший ее гнев.

Финн молча наблюдал, как гостя пятится к двери, и в уголке его рта притаилась знакомая ухмылка, заставлявшая ее испытывать дискомфорт. В его присутствии она странным образом ощущала себя раскрепощенной и в то же время смущенной, точно он видел в ней что-то такое, в существовании чего она и сама не до конца была уверена.

Положив руку на ручку двери, Женевьева помедлила – ей вдруг захотелось запереть дверь на замок и остаться с Финном.

– Позвони мне, когда снова захочешь увидеть Ноа.

На сей раз улыбка его была искренней и широкой.

– С радостью.

Всего несколько дней назад Женевьева беспокоилась относительно того, сможет ли Финн стать отцом для ее мальчика, но вчера, увидев, как он обращается с сыном, она позабыла свои тревоги. Он вел себя абсолютно естественно – возможно, потому, что во многом и сам был ребенком.

Закрыв дверь за собой, Женевьева прислонилась к ней спиной, чувствуя, что не в силах идти. Она больше не доверяла себе настолько, чтобы рискнуть вновь оказаться рядом с Финном и притворяться, что он ей безразличен.

Глава 4

Прошел уже день с момента встречи с Женевьевой, а Финн все не мог выбросить их поцелуй из головы. Страсть вспыхнула между ними с первой встречи и никогда не была проблемным моментом. Что в итоге и заставило его совершить ошибку. Чувство к девушке вспыхнуло в нем подобно тому, как он впервые, будучи подростком, увидел картину Рембрандта и захотел обладать ею или десять лет спустя влюбился в роскошный рубин размером с кулак. В конце концов он заполучил оба этих предмета. Ему просто всегда нравились красивые вещи, а в Женевьеве определенно было что-то неземное и удивительно цельное, что отличало ее от порочного мира, в котором Финн жил столько лет.

Поначалу он убеждал себя в том, что это просто искусная актерская игра с ее стороны – сложно было представить, что человек может быть столь наивен и доверчив. Особенно если вспомнить деда Женевьевы, Лэкленда Райли, и его неоспоримое влияние на жизнь внучки. Однако спустя какое-то время Финн убедился в том, что девушка ничего не изображает – она и впрямь доверчива. Точнее, была такой. Он разрушил в ней это качество и теперь ненавидел себя за это. Пусть семейная драгоценность, украденная им, вернулась на место, но ущерб, нанесенный душе Женевьевы, был невосполним. Хотя, наблюдая за тем, как она общается с сыном, он испытывал куда большее притяжение и нежность, чем когда-либо прежде.

Лэкленд сделал все возможное, чтобы держать внучку взаперти, не показывая ей жизнь во всей ее красоте. Он обучал ее сам на дому, окружил взрослыми, которые выполняли лишь его приказы, и ожидал от Женевьевы столь же покорного повиновения. Он обращался с ней как с наемной сотрудницей, нежели как с родным человеком, и это разозлило Финна. Не в первый раз ему приходилось сталкиваться с подобным диктаторским стилем обращения и никогда прежде его не волновало то, как обращаются с другими, но при встрече с Женевьевой это изменилось. Он чувствовал в ней некую внутреннюю силу – она напоминала ему неограниченный бриллиант, самородок, ожидающий резца искусного мастера, чтобы показать свою красоту и сияние.

И почему ему так хотелось стать этим мастером? Отчасти, наверное, он был тем, кто подтолкнул ее к переменам – вспомнить только вчера, когда Женевьева ворвалась к нему с горящими глазами, готовая к схватке... та девушка, что он знал раньше, не готова была к подобным столкновениям. Финн ощутил, как в нем вспыхнуло возбуждение – так ему хотелось овладеть этой новой энергией и зарядиться ею. Но поддаться соблазну он не мог, это означало бы рискнуть слишком многим. Он уже однажды совершил подобную ошибку и не повторит ее. Притяжение между ними лишало его способности мыслить здраво. Между тем Женевьева сказала, что он может снова увидеть Ноа – это было действительно важно. Это был первый шаг в нужном направлении. Конечно, Финну хотелось достичь большего – например, показать сыну мир, но нужно было делать шаги к этому постепенно. Необходимо убедить Женевьеву, что он теперь другой человек, а вовсе не тот, что некогда соблазнил ее, преследуя свои цели. Он и впрямь изменился – по крайней мере, очень надеялся на это. Ему хотелось стать другим ради сына, ради семьи, которую он мог вновь обрести, уже не надеясь на это после смерти Сойера.

Телефон, лежащий перед ним, завибрировал, и Финн нажал на зеленую кнопку, чтобы ответить.

– Да, Стоун.

– У меня есть то, что ты просил. Прошу тебя, скажи мне, что ты не затеваешь ничего противозаконного. Хотя подожди, лучше ничего не говори. Мне спокойнее не знать.

Финн рассмеялся:

– Я не делаю ничего противозаконного.

Ну, или почти ничего, подумал он. Женеьеве вряд ли понравится его идея установить у ее дома и студии камеры наблюдения, но ведь она и не осознает того, насколько беззащитна.

Он же знал наверняка слабые места ее окружения и был намерен их подлатать, а потом убедить ее впустить его в дом, чтобы позаботиться о безопасности внутри. Он не хотел оставлять важных для себя людей без защиты. Ему доводилось грабить подобных им прежде.

– Ну-ну, – скептически протянул Стоун. – Теперь у тебя столько камер, микрофонов и электронных носителей, что тебе позавидует Служба столичной полиции Лондона.

– Не преувеличивай.

– Финн, просто скажи, что ты не наделаешь глупостей.

– Я хочу установить камеры наблюдения в студии Женеьевы и у ее дома, ее безопасность оставляет желать лучшего.

В трубке воцарилось молчание, ясно свидетельствующее о том, что Стоун не одобряет план. Он был полностью в курсе истории отношений Финна и Женеьевы и знал, что в последние полгода его друг добивался разрешения встретиться с сыном. Наверняка он полагал, что шаг с камерами – это уже игра с огнем. Что ж, Финн все равно был намерен его сделать.

– Дай-ка угадаю, Женеьева и понятия не имеет, что каждое ее движение будет записываться? – спросил Стоун.

Финн промолчал, не зная, что сказать.

– Боже, – резко произнес Стоун. – Да ты сядешь в тюрьму!

– Нет, – коротко ответил Финн. – Твоя команда может установить все оборудование? И присоединить его к моему компьютеру и телефону?

Стоун вздохнул:

– Да, пришлю кого-нибудь завтра. Расскажи им подробности. Думаю, это займет пару часов.

– Они сумеют не выдать себя?

– Хочешь сказать, не намекнут ли они Женеьеве, что за ней будет вестись наблюдение?

Финн не стал поддаваться на провокацию, зная, что Стоун намеренно пытается вывести его из себя.

– Да.

– Они знают, как быть невидимыми, когда это необходимо.

Финн не сводил глаз с экрана компьютера, что был единственным источником света в его темной студии. Небрежно закинув ноги на журнальный столик, он сидел в полумраке, рядом с его локтем стоял бокал вина. Можно было бы предположить, что он отдыхает, смотрит фильм или что-то в этом роде. Однако Финну стоило немалого труда сдерживать ярость – он чувствовал, что настал его черед ворваться домой к Женеьеве и отчитать ее. О чем только она думает, оставаясь на работе в такой поздний час? Район, где располагалась ее студия, достаточно спокойный, но после полуночи опасно везде – особенно тому, кто работает с драгоценными камнями.

Более того, этот поздний визит в студию для нее не единичный случай, как уже успел убедиться Финн. Она даже не позвонила этому придурку, которого наняла в качестве охранника. Разумеется, Финн проверил его как следует – и понял, что, несмотря на кажущуюся компетентность, он не соответствовал своей должности. Будь это не так, он бы не позволил Женеьеве задерживаться на работе так поздно и одной. По-видимому, она наняла его только оттого, что они вместе работали в семейном бизнесе Райли. Понаблюдав за малым несколько дней, Финн понял, что ему не нравится то, как он следит за девушкой взглядом. Интуиция подсказывала ему, что тут замешано нечто большее, нежели преданность.

Машина Женеьевы вновь показалась на экране монитора, и Финн выпрямился. Может, стоит попросить Стоуна установить камеры и на ее автомобиль, чтобы отслеживать дорогу

домой? Конечно, это будет слишком, но зато избавит его от волнения, которое не дает покоя в промежутки, пока она едет от студии до дома.

Женевьева припарковала автомобиль рядом со стареньким седаном, принадлежащим ее няне-студентке, и исчезла в доме. Спустя какое-то время обе девушки вновь вышли на крыльцо. Николь выглядела уставшей – волосы ее, завязанные в пучок, выбивались из прически, глаза казались припухшими, а движения – заторможенными, точно она спала на ходу. Женевьева же, напротив, была оживленной. Обняв свою компаньонку, она задала ей какой-то вопрос, получила на него утвердительный ответ и проводила Николь взглядом. Постояв немного на крыльце, она вновь вошла в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.